

Бородкин, Л.И. Историческая синергетика: ещё раз о роли личности в истории. / Л.И. Бородкин // XXI век: актуальные проблемы исторической науки: Материалы междунар. науч. конф., посвящ. 70-летию ист.фак. БГУ. Минск, 15-16 апр. 2004 г. / редкол.: В.Н. Сидорцов (отв.ред.) и др. – Мн.: БГУ, 2004. – С. 305-307.

Л. И. БОРОДКИН
Российская Федерация, г. Москва

ИСТОРИЧЕСКАЯ СИНЕРГЕТИКА: ЕЩЕ РАЗ О РОЛИ ЛИЧНОСТИ В ИСТОРИИ

Один из традиционно обсуждаемых аспектов методологии истории связан с соотношением закономерности и случайности, в частности с ролью личности в истории. Этот вопрос приобретает особое значение при изучении переходных эпох, процессов радикальных трансформаций общества. Новый подход к рассмотрению данного вопроса может дать *синергетика*.

В соответствии с синергетической парадигмой историческая эволюция в природе и обществе характеризуется переходом от одной относительно устойчивой системы к другой системе с новой уровневой организацией элементов и саморегуляцией; при этом формирование каждого нового уровня системы сопровождается прохождением ее через точки бифуркации, и в этих состояниях малые флуктуации могут вызвать крупные последствия, привести к появлению новых структур [5, 628]. Путь к истине нобелевский лауреат И. Пригожин и И. Стенгерс ассоциируют с узкой тропинкой, затерявшейся где-то между двумя концепциями, каждая из которых приводит к отчуждению: «Концепцией мира, управляемого законами, не оставляющими места для новации и созидания, и концепцией, символизируемой Богом, играющим в кости, концепцией абсурдного, акаузального мира, в котором ничего нельзя понять... Реальный мир управляется не детерминистическими законами, равно как и не абсолютной случайностью» [3, 261–262].

Общество XX в. представляет собой сильно неравновесную систему, и поэтому прежние установки классической науки, будучи неадекватными при изучении неустойчи-

305

вого социума, становятся весьма опасными, т. к. сильно неравновесные системы могут активно реагировать на любые возмущения. Так, Ю. Батурин, советник Президента РФ, отмечал в 1992 г., что Россия как бы «колеблется» перед выбором одной из нескольких траекторий. Даже небольшая флуктуация может послужить началом движения в совершенно новом направлении, которое резко изменит всю ситуацию. Случайность в такой ситуации начинает играть столь же существенную роль, что и историческая необходимость. Вот почему политикам и политологам, – отмечает Ю. Батурин, – так важно следить не только за статистикой, но и за информацией об отдельных событиях, учитывать не только социологические данные, но и действия, установки, индивидуальные позиции политических деятелей, причем не обязательно «звезд первой величины», но и, казалось бы, вовсе незаметных [4, 17].

Размышляя о теории эволюции Дарвина, И. Пригожин и И. Стенгерс пишут: «История человечества не сводится к основополагающим закономерностям или к простой констатации событий. Каждый историк знает, что изучение исключительной роли *отдельных личностей* (курсив мой. – Л.Б.) предполагает анализ социальных и исторических механизмов, сделавших эту роль возможной. Знает историк и то, что без существования данных личностей те же механизмы могли бы породить другую историю» [3, 54–55].

Естественно, попытки применить концепции и категории синергетики (и тесно связанной с ней теорией хаоса) в гуманитарно-социальных исследованиях вызывают и возражения. Это неизбежно, если речь идет о действительно новом подходе. Так, в своей статье «Дискуссии о применении теории хаоса к истории» [6] Ежи Топольский, автор

целого ряда известных работ по методологии истории, опубликованных как в Польше, так и в других странах, справедливо отметил, что в связи с развернувшейся полемикой по поводу возможностей применения теории хаоса в исторических исследованиях наиболее исчерпывающий характер имела дискуссия, которая велась в 1991–1995 гг. на страницах журнала «History and Theory» [6, 88]. Обратимся здесь лишь к той части дискуссии, в которой затрагиваются вопросы о соотношении случайного и необходимого, роли личности в историческом развитии.

«В истории, – отмечает Топольский, – как и во всей общественной деятельности, главным элементом является человек, его действия и мотивация (включая, конечно, действия, которые мы считаем иррациональными)». Действия людей могут быть хаотичными, т. е. результаты этих действий в целом далеки от задуманных. Однако, по мнению Топольского, все это давным-давно в истории известно. «Историки прекрасно отдают себе отчет в том, что из «малых» причин могут вытекать «большие» последствия, о чем говорят многочисленные примеры. Пресловутый нос Клеопатры символизирует роль личности в истории. Конечно, историки склонны объяснять события, исходя из более общих закономерностей, признавая, что даже в наиболее неожиданных случаях они дают о себе знать. На этом зиждется история как наука. Теория хаоса может только уточнить или дополнить аргументацию в ведущихся дискуссиях, т. е. обогатить их язык новыми понятиями, которые в таких случаях выступают в виде метафор» [6, 90]. Здесь, однако, автор обходит главный для синергетики вопрос: *всегда ли* «из малых причин могут вытекать большие последствия»? А если не всегда, то когда? Или этот вопрос несущественный? Отметим, что упоминание о «пресловутом носе Клеопатры» не многое проясняет относительно точки зрения Топольского о роли личности.

Развивая свою аргументацию, Топольский скептически оценивает один из тезисов работы Ч. Дайка [7], в которой автор, рассматривая развитие процессов прошлого в контексте концепций теории хаоса, отмечает, что причиной успеха «великих людей» нередко были не их особые способности и не провидение (множество талантливых людей не стали «великими»), а специальные обстоятельства в условиях экстремальной нестабильности, когда деятели, обладающие определенным уровнем способностей, личных качеств, ока-

завшись в нужном месте в нужное время, могут оказывать огромное влияние на ход процесса [7, 382–383]. По мнению Топольского, «мы не находим в этой работе ничего нового, Ч. Дайк указывает на вопросы, издавна известные историкам без обращения к теории хаоса» [6, 97].

Думается, однако, что эти вопросы так и не получили достаточно аргументированных ответов в работах по теории исторического познания. В то же время новая концепция позволяет выявить класс ситуаций (возникающих вблизи точки бифуркации), в которых роль личности резко возрастает и может даже стать решающей в развитии событий [1].

Полемизируя с группой авторов, разрабатывающих идеи нелинейности исторического процесса (Д. Мак-Клоски, А. Байхерен, Н. Хайес, М. Шермер и др.), Е. Топольский еще раз подчеркивает, что в теории хаоса, «касающейся систем, нет места для более или менее сознательных действий людей» [6, 93]. По мнению Е. Топольского, теория хаоса занимается только «объективными» глобальными результатами действий людей. Человек, исходя из этой теории, является «игрушкой страшной силы хаоса» [6]. Здесь опять приходится констатировать упрощенное понимание смысла теории хаоса. Да, человек, исходя из этой теории, может быть «игрушкой страшной силы хаоса». Разве мы не знаем такие исторические ситуации? Теория хаоса, однако, внушает оптимизм в

данном аспекте исторического развития, показывая, что эти ситуации возникают в точках бифуркации процесса, а вовсе не в любой момент и не в любой системе.

Обсуждая характер развития процесса по той или иной траектории в контексте концепции синергетики, Ю. М. Лотман сделал нетривиальное наблюдение: «То, что в сфере культуры уникальные факты могут порождать лавины последствий, создает особую ситуацию: мы имеем дело со случайными событиями, которые, однако, не поддаются статистическим методам и вероятностной обработке» [2, 477]. Такие эффекты порождаются нелинейными детерминистическими системами. Автор подчеркивает, что культура, как механизм роста информации, увеличивает число альтернатив и уменьшает область избыточности. Обсуждая проблему выбора альтернатив, он пишет о возрастании «удельного веса моментов исторических флуктуаций, т. е. ситуаций, в которых дальнейшая судьба системы будет зависеть от случайных факторов и от сознательного выбора. С одной стороны, историческое бытие сближается с миром творчества, с другой – с понятиями нравственности, неотделимыми от свободы выбора» [2, 479].

Вводя «человеческий фактор» в рассмотрение сюжета «Клио на распутье», Лотман с присущей ему образностью отмечает, что борьба с романтическими концепциями истории, противопоставляющими идею закономерности истории личной активности отдельного человека, «толкала историческую науку к тому, чтобы отождествлять объективность с внеличностью исторических процессов... История общественных институтов, борьба социальных сил, идеологических течений как бы отменила историю людей, отведя им роль статистов во всемирной драме человечества. Значение их, конечно, не отрицается, но напоминает театральную программку, где против ролей написано несколько фамилий исполнителей, которые могут с равным успехом сыграть одну и ту же роль в рамках одной пьесы» [2, 466].

Как нам представляется, данное высказывание Лотмана характеризует его понимание синергетики как методологического подхода, связывающего выбор альтернатив развития с ролью тех конкретных людей, которые оказались волею судеб в гуще событий в «минуты роковые»; уникальность этих событий определяется во многом тем, что исполнитель у каждой роли один – другой исполнитель, возможно, привел бы очередное действие «исторической пьесы» совсем к другому финалу.

1. Легко увидеть разницу данного подхода с традиционным, представленным, например, в известной работе Г. В. Плеханова «К вопросу о роли личности в истории» // Избранные философские произведения: В 5 т. М., 1956. Т. II.
2. Лотман Ю. М. Клио на распутье // Избранные статьи. Таллинн, 1992–1993. Т. I.
3. Пригожин И., Стенгерс И. Время, хаос, квант. М., 1994. С. 261–262.
4. Российский монитор. Архив современной политики. Вып. 1. М., 1992.
5. Степин В. С. Теоретическое знание. Структура, историческая эволюция. М., 2000.
6. Топольский Е. Дискуссии о применении теории хаоса к истории // Исторические записки. 2 (120) / Под ред. Г. Н. Севостьянова. М., 1999.
7. Dyke C. Strange Attraction, Curious Liaison: Clio Meets Chaos // The Philosophical Forum, V. XXI, 1990.